

ГИ МЕТТАН

РАСТЕРЯННЫЙ КОНТИНЕНТ

В ЗАЩИТУ ДЕМОКРАТИИ И НЕЗАВИСИМОСТИ ЕВРОПЫ

Ги Меттан
Растерянный континент.
В защиту демократии и
независимости Европы
Серия «Легенды мировых войн»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68759082

*Г. Меттан. Растерянный континент. В защиту демократии и независимости Европы: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-120567-6*

Аннотация

Ги Меттан – швейцарский журналист, политик и общественный деятель. С 2001 г. – депутат Большого Совета (парламента) кантона Женева, занимал пост его председателя. Регулярно публикуется в ведущих франкоязычных газетах Швейцарии. Получил степень в области политологии в университете Женевы, где проживает с 1975 года. В 1992–1998 гг. – главный редактор влиятельной газеты «Tribune de Geneve». В 1997–2018 гг. – директор Швейцарского клуба прессы. Автор 9 книг, в которых освещаются важнейшие вопросы международных отношений, а также геополитики и гуманитарной деятельности.

В своей новой книге «Растерянный континент. В защиту демократии и независимости Европы» Ги Меттан рассуждает о возможном закате цивилизации и истории Европы и о способах этого избежать.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие. Европа: есть ли свет в конце тоннеля?	6
Благодарность	12
Часть I. Неутешительный процесс познания	13
Глава 1. Европа: от энтузиазма к разочарованию	13
Конец европейской мечты	18
Неутешительный процесс познания	19
Конец мифа о мире в Европе	22
Небрежное расширение и халтурное углубление демократии	27
«Фордизация» и контроль над умами	29
Крах немецкой теории «Культур унд бильдунг»	31
Как быть европейцем сегодня?	35
Часть II. Уроки истории	38
Глава 2. От Карла Великого до Сталина: несостоятельность принуждения	38
Объединенная Европа – далеко не новая идея	42
Карл Великий: первая попытка насильственного объединения	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ги Меттан

Растерянный континент.

В защиту демократии и

независимости Европы

© Guy Mettan, text, 2022

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Предисловие. Европа: есть ли свет в конце тоннеля?

Общество начинает распадаться, когда его члены задаются вопросом «Что будет дальше?» вместо «Что лично я могу сделать?»

Дени де Ружмон

Когда два года назад я закончил первую редакцию этой книги для моего французского издателя, в Евросоюзе царил хаос, перед ним стояло множество неотложных проблем: подъем среди популистских партий в Италии, Польше, Венгрии, Австрии, Нидерландах и Франции, бесконечные хаотичные переговоры с Великобританией вокруг соглашения по постбрекситу, ожесточенные массовые демонстрации во Франции, напряженность в отношениях с США во время правления президента Дональда Трампа, а также утрата доверия к Европейской комиссии, в то время возглавляемой Жозе Мануэлем Баррозу, а затем Жан-Клодом Юнкером.

Сегодня картина выглядит более оптимистично. Популистские движения провалились, особенно в Италии и Австрии, и идут на спад в Нидерландах и Германии. Соглашение по выходу Великобритании из Евросоюза достигнуто, хотя никто не знает, хорошо это или плохо. Президентство Байдена, похоже, предвещает лучшее взаимопонимание

и сотрудничество между Соединенными Штатами и Евросоюзом. Недавно избранный Европейский парламент, после прихода Урсулы фон дер Ляйен и Шарля Мишеля во главу соответственно Еврокомиссии и Евросовета, кажется, пользуется большей популярностью, чем предыдущий.

А самое главное, пандемия COVID-19 положила конец протестным движениям вроде «желтых жилетов» во Франции, по крайней мере на время. Она также заглушила голоса стран, проповедовавших политику жесткой экономии (Нидерланды, Австрия, Швеция и Германия), которые оказались вынуждены открыть свои сейфы. Обобрав до нитки Грецию в 2015 году, страны, исповедующие взгляды дядюшки Скруджа, наконец согласились расстаться со своими евро и потратить их на общий масштабный план восстановления.

Означают ли эти добрые вести, что Европа готова к перезагрузке? Что теперь все будет хорошо?

Лично я так не думаю.

По одной простой причине: исторические, экономические, политические и государственные предпосылки, которые ставят под угрозу будущее европейского континента, никуда не делись. Пусть даже сами европейцы настроены теперь более положительно, одной корректности Джо Байдена после грубости Дональда Трампа недостаточно, чтобы изменить корни европейской политики и устоявшиеся тренды в отношениях Европы с Америкой.

По сути дела, если взглянуть под определенным углом,

то ситуация даже ухудшилась. Появились новые трудности: необходимость восстановления экономики и общества после пандемии COVID-19, огромные долги, экономические отношения со стремительно развивающимся Китаем, повсеместный отход от «мягкой силы» вследствие хаотичного управления пандемией, растущая напряженность в отношениях с нашим ближайшим соседом – Россией, особенно после неосторожного высказывания Джо Байдена, назвавшего Путина убийцей, расширяющиеся санкции, – все эти новые проблемы требуют решения.

Чтобы обосновать наши размышления о будущем Европы, мы рассмотрели предыдущие попытки объединить европейский континент. После развала Римской империи было предпринято шесть таких попыток – от Священной Римской империи до Наполеона, Гитлера и Сталина, стремившихся установить свое господство самыми жестокими, бесчеловечными способами. Все они потерпели фиаско. Очень важно понимать, почему. И здесь следует провести историческую параллель между нынешними евро-американскими отношениями и эволюцией, пройденной Древней Грецией, которая претерпела ряд этапов постепенного распада – от ревностной независимости до полного подчинения Риму.

Сегодня перед Европой стоят те же внутренние и глобальные проблемы, что и в прошлом. Идея объединения континента сталкивается с теми же просчетами и тупиками, что и в предыдущих попытках. Основную дилемму на сегодняш-

ний день можно определить так – быть или не быть вассалом Америки?

В данном контексте настоящая книга преследует три цели и состоит из трех частей.

В первой, исходя из моего личного знания Европы, мы проследим, как вышеупомянутые проблемы решались или не решались на разных этапах истории континента. Сталкиваясь со схожими трудностями, Древняя Греция и средневековая Европа иногда добивались успеха и находили оригинальные решения, а порой терпели исторические неудачи. Подобные уроки прошлого всегда конструктивны.

Вторая часть книги представляет собой более глубокий анализ стоящих перед современной Европой проблем: сильные и слабые места не только Евросоюза, но и институционального строительства Европы; серьезный дисбаланс, препятствующий движению вперед, и удушающий примат экономики и права над политикой; разрастающееся совершенно неудовлетворительное управление; военная опека США и отсутствие суверенитета, а также нагнетаемая Соединенными Штатами напряженность в отношениях с Россией и странами Средиземноморья.

В третьей части стоящая перед Европой дилемма рассматривается сквозь призму двух возможных сценариев будущего. Согласно первому сценарию, Европу, неспособную перестроиться самостоятельно или принять реалистичные решения в собственных интересах, пожирают ее старые пороки.

Точнее, Европа выбирает путь незначительности, предпочитает по-прежнему подчиняться постоянно растущим требованиям США, не в силах решить свои конкретные задачи в сфере обороны или энергетической политики, лишаясь потенциальных экономических выгод от сотрудничества с Китаем и его проекта «Один пояс, один путь» и вынужденно увязая все глубже в крайне опасной конфронтации с Россией.

Естественно, как гражданин Европы, я предпочитаю второй сценарий. Согласно ему, европейцы трезво оценивают то, что поставлено на карту, отдают себе отчет в существующих проблемах и создают организационную структуру, которая позволит им избавиться от растущего господства США и предотвратить неизбежное скатывание в вассализацию, используя возможности нового пространства, которое открывает зарождающаяся китайская держава, для создания подлинно демократического и суверенного федерального союза.

В этом нет ничего невозможного. В качестве модели можно взять пример Швейцарии после 1815 года. На тот момент, хотя ее институты были действительно федеративного типа, они были невняты, политически непригодны и вряд ли демократичны. Из-за этого Швейцария была не в состоянии решать задачи, встававшие перед ней на мировой арене, – необходимость быстро реагировать на экономические перемены (промышленная революция) и ускоренные перестановки в политике в связи с появлением новых соседних

держав, которые начали оспаривать традиционное превосходство Франции. Однако со временем и в результате борьбы Швейцария создала уникальную и по-настоящему демократическую форму государственного управления, которая успешно установила правила разрешения внутренних конфликтов и сумела сохранить культурное, религиозное и языковое многообразие страны, обеспечив таким образом на десятилетия социальную, экономическую и политическую стабильность без серьезных столкновений и безрассудных войн. Маленькая Швейцария добилась всего этого, невзирая на давление своих могущественных соседей. Может, Европе есть чему поучиться у Швейцарии?

Поэтому я рассматривал Европу не только с точки зрения Евросоюза, а, скорее, исходя из тех возможностей, которые появятся, если она когда-нибудь станет единым целым. Действительно, нежелание признавать Европу во всей ее географической целостности также является частью большой европейской проблемы. Нельзя построить сильную эффективную Европу, если считать противником вторую половину континента. Внутреннее строительство невозможно отделить от строительства внешнего, от окружающего мира. Не будет успеха в одном, если игнорировать второе.

Благодарность

Я хочу поблагодарить всех тех, кто своим терпением и полезными советами помог мне в работе над этим проектом, особенно Андре Херста, почетного профессора Женевского университета и великого знатока Фукидида и Древней Греции; моего коллегу Ришара Верли, владеющего всеми тонкостями политики Парижа и Брюсселя; моего друга и коллегу Арно Дотезака за то, что он любезно поделился со мной своими многолетними и скрупулезными исследованиями Европейского союза и НАТО; многих других, например, Слободана Деспота, Ришара Лабевьера, Сергея Пилипенко и Юрия Обозного за их дружескую поддержку, моих издателей Олимпию Верже и Сержа де Палена, Ивана и Настю Озеровых, фонд «Нева», а также моих жену и дочь Мириам и Оксану.

Не менее важно упомянуть моего переводчика Мирну Фараж и передать особую благодарность Диане Г. Кольер за ее безупречную работу с текстом и познавательные комментарии. Они внесли в это издание особую свежесть.

Также благодарю издательство АСТ, в частности редакторов Татьяну Чурсину и Воденикову Алену за оказанную помощь в издании книги.

Часть I. Неутешительный процесс познания

Глава 1. Европа: от энтузиазма к разочарованию

Непреложным законом истории остается тот факт, что современникам не дано распознать еще в истоках те важные движения, которые определяют их эпоху.

Стефан Цвейг, «Вчерашний мир: воспоминания европейца»

Я ровесник Европы. Я родился в пятидесятых годах и открыл для себя Европу, когда в начале семидесятых мне исполнилось шестнадцать. Учитель немецкого языка нашел мне работу на время летних каникул в качестве Hilfskrankenpleger, иначе говоря, сиделки, в больнице Санкт-Мариеншпиталь в Кельне. За два месяца я узнал Германию и хорошо выучил немецкий, исполняя приказы старшего медбрата, бывшего сержанта подводной лодки, и выслушивая истории жизни умирающих пациентов. Мне часто доводилось сопровождать их в последний путь до морга. Я даже привязался к одному из них — последнему из доживавших

свой век гвардейцев кайзера Вильгельма II. Этот пруссак умер так же, как жил: чопорным и нестигаемым, как алебарда.

На следующее лето, благодаря студенческому железнодорожному билету, позволявшему мне путешествовать по всей Европе по низким тарифам, я открыл для себя Италию: Помпеи, Ватикан и Каstell-Гандольфо. Туда меня пригласил приятель, один из швейцарских гвардейцев папы римского, и мне невероятно повезло, когда я однажды наткнулся на папу Павла VI во время его прогулки по саду. После этого была Греция времен режима «черных полковников» и Парфенон, где меня случайно заперли, и я провел ночь в одиночестве, любясь сиявшими подо мной огнями Афин. В то время массовый туризм ограничивался пляжами Римини, и объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО охранялись весьма избирательно. Через год я окончил школу и поступил учиться на бакалавра в Тонон-ле-Бен во Франции. После учебы я уехал в Англию и шесть недель проработал помощником садовника в Хартфордшире, доводя газоны до совершенства щипчиками для бровей и распивая чай под трофейными львиными головами, которые когда-то вывезли из Танганьики вдовы полковников, павших на службе Его/Ее Величества.

Мое знакомство с европейским коммунизмом состоялось позже, после целой череды новых молодых увлечений. В Югославии и Боснии я открыл для себя прелести Мостара и Сараева – городов, казавшихся сонными и мирными, пока

их не разрушили национализм и фундаментализм. А тогда они пробуждались к жизни только с заходом солнца, и горожане дружными компаниями выходили прогуляться вдоль реки Миляцка. Пятнадцать лет спустя мне предстояло найти ту же Боснию, разрушенную бомбардировками и истерзанную пристрастными СМИ, спешившими с выводами, кто в той войне был хороший, а кто плохой. В октябре 1980 года я был в Праге, а потом в Варшаве – в первые жаркие недели польского движения «Солидарность», когда его главные деятели Валенса, Геремек и Михник проводили протестные акции одну за другой.

Между 1984-м и 1989 годом мне довелось часто бывать в Будапеште, который при режиме Яноша Кадара выдавали за либеральную витрину коммунизма. Кстати, именно в Венгрии 2 мая 1989 года я, совершенно ошеломленный, лично присутствовал при первом прорыве через железный занавес, когда венгерские пограничники своими руками резали колючую проволоку и пилили столбы на границе, чтобы пропустить в Австрию поток «трабантов», которые стекались сюда из Восточного Берлина через венгерские степи, мимо озера Фертё. В начале ноября 1989 года я работал над репортажем о лоббистах в американском Сенате и из Вашингтона наблюдал падение Берлинской стены. Старый мир рушился, а новый только рождался, и Европа была полна радужных надежд.

Мой ранний опыт знакомства с Европой, словно инициа-

ционные путешествия «компаньонов» в Средние века, сделал из меня убежденного европейца. Он дал мне возможность почувствовать на вкус огромное многообразие нашего континента. Я открыл для себя, например, что французы мыслят прямолинейно, что немцы думают эллипсами, по кривой, а русские – по спирали: их мысли будто бегут по бесконечному винту. Но всех их обошли итальянцы: они вообще не думают, а только чувствуют и что-то изобретают.

Исторически так сложилось, что в Европе сошлось великое множество культур. Памятники древности позволяют воочию убедиться в том, что картинки в учебниках по латинской грамматике, истории и иностранным языкам соответствуют действительности. Одно это, наряду с тонким искусством вплетать индивидуальные пути развития отдельных народов в общую великую историю – а тогда зарождался именно этот процесс, характерный для древних цивилизаций – дал континенту все необходимое, чтобы порадовать молодежь, в то время жаждавшую снести внутренние границы.

Все эти годы Европейское сообщество было для меня организацией, которая внедряла на практике потрясающий политический проект и служила моделью цивилизации. Тем более, что начиная с середины 80-х годов Еврокомиссия, возглавляемая тогда Жаком Делором, сумела, по крайней мере поначалу, заразить своим энтузиазмом послевоенное поколение бэби-бумеров. А в начале 90-х конец холодной

войны и объединение Германии принесли ветер надежд невиданной прежде силы.

Таким образом, на протяжении пятнадцати лет я был убежденным проевропейцем, или «евро-турбо», как в Швейцарии называли сторонников Евросоюза. Я был идеалистом и пацифистом и мечтал о прекрасном будущем моей страны и всего обновляющегося континента. Поэтому мне удалось убедить моих издателей поддержать первую народную инициативу по вступлению Швейцарии в Европейское сообщество. Летом 1990 года я решительно выступал за запуск «евроинициативы» в экономическом журнале, где я тогда работал. Наш боевой клич, обращенный к швейцарцам, звучал так: «Вы нужны Европе!» Восемнадцать месяцев спустя инициатива с треском провалилась, сумев едва наскрести половину из требовавшихся 100 тысяч подписей.

Однако ничто, казалось, не могло охладить мой энтузиазм. 20 мая 1992 года, когда Федеральный совет официально передал в Брюссель заявку на вступление Швейцарии в Евросоюз, заголовок передовицы в газете, где я был редактором, радостно гласил: «Европа вновь обретает свое утраченное сердце!» – и сопровождался рисунком, на котором сияющая от радости Швейцария была изображена сердцем престарелого, но весьма бодрого европейского континента.

Конец европейской мечты

Но мое увлечение очень быстро сменилось разочарованием.

Прочитав книги «Человек ли это?» Примо Леви, «Жизнь и судьбу» Василия Гроссмана и «Красного коня» Эудженио Корти, я открыл для себя обратную сторону медали. Ужасы, перенесенные советскими узниками в концлагере Ной-енгамме, о которых мне рассказал друг, депортированный из Франции босниец, глубоко меня потрясли. Этот же друг позже поможет мне разобраться в скрытых нитях югославской трагедии и в географии ненависти, накопленной за время нацистской и оттоманской оккупации, которую вновь пробудили локальные всплески этнического национализма.

Первое разочарование постигло меня 6 декабря 1992 года. В этот день народ Швейцарии большинством в 20 тысяч голосов отказался присоединиться к Европейской экономической зоне (ЕЭЗ), задуманной как нечто вроде зала ожидания при Евросоюзе. Неожиданно моя мечта разбилась о суровую реальность демократии. «Черное воскресенье», как окрестил его один из федеральных советников, прославившийся именно этим термином, отозвалось похоронным звоном для всех, кто подобно мне, мечтал стать частью строящейся Европы¹ Для моего поколения это стало шоком. Как мы мог-

---

¹ Daniel S. Miéville, 6 décembre 1992. Le non de la Suisse à l'Europe, «6 декабря

ли отказаться от перспективы открытости и прекрасного будущего и попасть в ловушку «узколобых популистов», предрекавших беду? Может, нам надо было продолжать мечтать, невзирая на мнение народа? Или, наоборот, признать, что граждане Швейцарии правы, отказавшись от мечты? Крах коммунизма и распад Советского Союза, который только что буквально разобрали по частям у нас на глазах, показали, что хвататься изо всех сил за мечту – это в лучшем случае тупиковый вариант, а в худшем – преступление. Но мне потребовалось время, чтобы понять это.

Неутешительный процесс познания

Отрицательный результат референдума в Швейцарии, который сторонники интеграции Европы предпочли бы забыть, тем не менее имел важные последствия для судьбы континента. С одной стороны, он положил конец стараниям Комиссии Делора создать второй авторитетный орган, который занимался бы делами новых государств, готовых к сотрудничеству, а в перспективе – вступлению в Европейский союз: Австрии, стран Скандинавии и Восточной Европы. Неудача ЕЭЗ ускорила поспешное расширение Сообщества, что очень быстро привело к нарушению его внутреннего баланса. Углубление интеграции – длительный и уто-

мительный пошаговый процесс – было наспех закреплено в нескольких неудачных договорах: Маастрихтском, Амстердамском, Ниццком и Лиссабонском, а основные усилия были сосредоточены на расширении членства, что было намного проще и результативнее. Не найдя средств обеспечить качество, Европа уступила миражам количества.

После поражения в швейцарском референдуме ЕЭЗ превратилась в полупустую оболочку, куда входили только Норвегия, Исландия и Лихтенштейн, в то время как остальные члены Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), Австрия, Швеция и Финляндия, поспешили вступить в Евросоюз, уверенные в том, что у них нет иного выбора. Этот эффект снежного кома быстро распространился на восточноевропейские и средиземноморские островные государства: Польшу, страны Балтии, Словению, Словакию, Чехию, Венгрию, Мальту и Кипр, которые всеми правдами и неправдами стремились попасть в НАТО и в процессе оказаться принятыми в Евросоюз.

Но прежде всего нежелание народа Швейцарии присоединиться к Европе подстегнуло всяческие протестные движения и партии в оппозиции к Евросоюзу. То, что вскоре стало «всплеском популизма», на самом деле началось вечером 6 декабря 1992 года с победы у избирательной урны право-популистской Швейцарской народной партии (также известной как Демократический союз центра, UDC). Победа народа должна была гарантировать неоспоримую демократиче-

скую легитимность всем разнообразным движениям, противившимся вступлению страны в Евросоюз, и сплотить их в борьбе, показав, что и они могут победить в голосовании. С тех пор популистские партии продолжали множиться в странах-членах Евросоюза, как правило, в ходе выборов или референдумов. Так что значение тогдашнего голосования в Швейцарии для последующего развития Европы трудно переоценить.

Все усиливающееся расхождение между практикой демократии и стремлением объединить Европу любой ценой дало повод для сомнений и скептицизма по отношению к преимуществам и законности такого объединения, а также к элите, правящей Союзом. Как увязать вместе демократические права и построение единой Европы? Было ли это расхождение лишь предполагаемым, вызванным временной неприспособленностью европейских институтов, или результатом структурных недочетов в Евросоюзе, которые эвфемистически называли «дефицитом демократии»? Для Швейцарии, где граждане привыкли пользоваться своими демократическими правами чуть ли не каждый месяц, было бы немыслимо отказать народу в его суверенности и подвергать сомнению его решения. Неслучайно в Швейцарии «сувереном» является народ.

Конец мифа о мире в Европе

Сразу за моим первым разочарованием пришло следующее, еще более серьезное, окончательно разрушившее мои «общеевропейские» мечты: наступил конец мифу о мире в Европе. В тот самый 1992 год произошло несколько трагических событий в России и Югославии. Бывший Советский Союз, распавшийся на пятнадцать частей в декабре 1991 года, стал жертвой размежевания территорий, протестов и кровавых расправ. Не приняв в свое время проект Горбачева по Общему европейскому дому, Европа позволила России погрязнуть в хаосе и анархии, оттеснив ее на задний план. А затем, когда Россия стала восстанавливаться, Европа превратила ее скорее в противника, чем в партнера.

В Югославии тлеющие с 1990 года угли были раздуты Германией и Ватиканом, которые поспешили признать независимость Словении и Хорватии в одностороннем порядке в июне 1991 года. Летом 1992-го пламя перекинулось на Боснию – самую уязвимую из бывших республик федеративной Югославии, вызвав череду войн, осад городов, этнических зачисток и бомбардировок, которые закончатся только весной 1999 года после противозаконной бомбардировки Сербии с применением авиацией НАТО боеприпасов с обедненным ураном. Разрушение югославской федерации во имя национализма и сепаратизма, с которыми Европа якобы боро-

лась, всегда казалось мне возмутительным. Я сам был журналистом и знал, как СМИ манипулируют общественным мнением. Например, в декабре 1989 года, незадолго до падения коммунистического режима в Румынии, разгорелся скандал после опубликования фотографий трупов в белых саванах, обнаруженных на кладбище в Тимишоаре и представленных жертвами бойни, устроенной по приказу Чаушеску и его жены. Эти фотографии мгновенно облетели весь мир, через несколько дней состоялась казнь диктаторской четы, а спустя время выяснилось, что к этой бойне Чаушеску отношения не имеют.

Другой скандал разразился в октябре 1990 года вокруг ложных свидетельских показаний о предполагаемых бесчинствах армии Саддама Хуссейна сразу после вторжения в Кувейт. 14 октября молодая «медсестра» из Кувейта, заливаясь слезами, свидетельствовала перед американским Конгрессом, что иракские солдаты выбрасывали младенцев из медицинских инкубаторов и оставляли умирать прямо на полу, что они разрушали все на своем пути и пытали людей. Ее показания, послужившие США основанием для развязывания первой войны в Персидском заливе, оказались ложными, подстроенными PR-агентством, чьи услуги оплачивал Кувейт с ведома американских спецслужб.

Новый виток наступил летом 1992 года, когда на фоне продолжавшегося югославского кризиса британские тележурналисты приехали снимать сюжет о боснийских плен-

ных в лагере Трнополе в Боснии. Было очень жарко, и многие были раздеты по пояс. Один из мужчин, Фикрет Алич, выглядел совершенно изможденным вследствие легочного заболевания. В снятом документальном фильме видно, как к камере приближается группа мужчин, а журналисты разговаривают с ними из-за изгороди, с боков и сверху обнесенной колючей проволокой (изгородь эта являлась заграждением от коров). Телевизионщики сняли и сфотографировали пленных от пояса вверх так, что казалось, будто колючая проволока пересекает их туловища. Одна из фотографий, взятых из фильма, тут же попала на первые страницы большинства западных изданий с заголовками вроде «Бельзен-92», подразумевая нацистский концлагерь.

Эта фотография была использована в качестве доказательства в Международном уголовном трибунале по бывшей Югославии (ICTY) во время суда над сербскими государственными чиновниками и в значительной мере способствовала обострению конфликта, вызвав гнев сербских экстремистов, возмущенных тем, что их сравнили с нацистами, между тем как их страна пережила оккупацию гитлеровской Германии. А через несколько лет разгорелась полемика вокруг британского журнала *Living Marxism* («Живой марксизм»), в котором разоблачалось неправомерное использование фотографии репортерами британского телеканала ITN². Суд вынес постановление, основываясь не на

---

² Автор статьи и журнал «Живой марксизм» были осуждены ведущими британ-

содержании, а на форме, и таким образом поддержал пропагандистскую операцию, которая никоим образом не способствовала восстановлению мира, а, напротив, выставила европейскую страну в неприглядном свете...

В 1999 году другая аналогичная фотография с изображением жертв массовых убийств сербами гражданского населения в деревне Рачак, послужила толчком для начала бомбардировок Сербии силами НАТО, что, в свою очередь, привело к многочисленным жертвам среди мирных граждан... Однако при тщательном рассмотрении снимка видно, что он был подретуширован для более драматичного эффекта, и убитыми оказались солдаты в камуфляжной форме, а не простые крестьяне.

В 2003 году кампания по мистификации общественного мнения приняла официальный оборот, когда госсекретарь США Колин Пауэлл размахивал лабораторными про-

---

скими СМИ. Журнал был вынужден закрыться после уплаты огромных судебных издержек и штрафов, в то время как суд интересовала не суть вопроса, а то, было ли общество введено журналистами в заблуждение умышленно. Отдельные независимо мыслящие умы вроде Ноама Хомского поддержали тогда свободу прессы. Но рабочее видео с места съемок в Боснии не было предоставлено из соображений охраны авторских прав... Подробнее об официальной версии событий см.: David Campbell, "Atrocity, Memory, Photography: Imaging the concentration camps of Bosnia. The Case of ITN versus Living Marxism" («Жестокость, память, фотография: изображение концлагерей в Боснии. Случай ITN против "Живого марксизма"»), *Journal of Human Rights*, vol. 1, 2002. Критический анализ поведения СМИ см.: Peter Brock, *Media Cleansing. Dirty Reporting: Journalism and Tragedy in Yugoslavia* («Очищение СМИ. Грязные репортажи: журналистика и трагедия в Югославии»), Los Angeles, GM Books, 2006. (прим. автора)

бирками перед Советом Безопасности ООН, утверждая, что у Ирака есть оружие массового уничтожения, и таким образом оправдывая второе вторжение американских войск в эту страну...

Со временем оказалось, что большинство подобных кампаний в СМИ были сфабрикованы или ошибочны. Но вред был уже нанесен: цели, которые они преследовали, достигнуты, истина скрыта. Поэтому теперь я всегда подвергаю сомнению правду в официальном изложении, будь она о Европе и ее благородных чувствах или любая другая.

Таким образом, в девяностые годы Европа, которая всегда ратовала за мир и выступала против национализма, представала в новом, более мрачном и зловещем свете после прямого или косвенного участия в развале – именно во имя национализма – Федеративной Республики Югославии, бывшей федерацией народов, признанной международным правом. На мой взгляд, демонизация одного конкретного национализма, в этом случае сербского, во благо более «достойного» национализма других народов, например, словенского, хорватского или религиозного национализма мусульман в Боснии, вступает в глубокое противоречие с европейскими ценностями. Тем более что балканская игра в дурака продолжалась, достигнув кульминации с признанием односторонней независимости Косова в 2008 году.

Как после этого верить в дискурс Европы о мире и высоких идеалах, если они служат для маскировки войны и са-

мых низменных националистических интересов? При всей ее риторике и возвышенных заявлениях о завершении Вестфальского миропорядка разве Европа не вернулась к тому, чтобы, как любая другая держава, ревностно продвигать собственные интересы вразрез с провозглашаемыми ценностями и идти на любые крайности ради достижения цели?

Подтверждением тому служит целый ряд печальных событий. Это и бомбардировка Ливии, и поддержка сирийских повстанцев-салафитов в 2011 году, и экономическое давление на Украину в конце 2013 года, когда финансовая и техническая помощь была оказана сторонникам смены режима в Киеве, и признание захвата власти самым радикальным крылом Евромайдана 22 февраля 2014 года, несмотря на соглашение, подписанное накануне тремя представителями Франции, Германии и Польши и избранным президентом Виктором Януковичем.

Небрежное расширение и халтурное углубление демократии

Подобная притворная демократия и предательство идеалов мира стали трещинами, которые пробили саму суть общеевропейского проекта. Теперь, оглядываясь назад, мы видим, что в девяностые годы оба пути, представлявшиеся взаимодополняющими и желательными — а именно расширение на восток и углубление демократии (то есть более про-

зрачное и эффективное управление), – привели к состоянию предельной напряженности. Расширение прошло лишь часть пути, буквально отбросив Балканы на юго-востоке и Украину, Белоруссию и Россию на северо-востоке и поставив их таким образом на колени. А что касается углубления демократии, то до реальной демократизации этих стран дело так и не дошло.

Как можно говорить о Европейском союзе, когда некоторые представители континента отвергнуты, искусственно изолированы и считаются врагами (как, например, Россия)? И как объяснить тот факт, что Европа охотно принимает иммигрантов из мусульманских стран, захлопывая при этом дверь перед носом славянского православного мира, который ей намного ближе в культурном отношении? А все слабые попытки углубления демократии провалились из-за отсутствия предвидения, верных решений и главное – доверия к народам.

Помимо геополитического провала, добровольного подчинения внешней силе и неспособности вовлечь в построение и функционирование Евросоюза как политиков, так и рядовых граждан, есть еще одно огромное и, несомненно, самое значимое разочарование – ощущение того, что европейский тип мышления был уничтожен.

Объединенной Европе не удалось привить своим членам – будь то государства, народы или отдельно взятые личности – европейский идеал. Спустя семь десятилетий после образо-

вания Союза есть веские доказательства того, что не только дух единения покинул Европу, но, что еще хуже, сам Союз перестал пускать этот дух на порог и превратился в фабрику догм, нормативов и инструкций.

Однако что же такое Европа, если не ум и образ мыслей? Повсеместные рассуждения о ценностях – мире, демократии, процветании, толерантности, открытости – маскируют отсутствие настоящих политиков, мышления и видения. Общность веры и духовных идеалов испарились, уступив место мифу о технократической интеграции.

У Европы в ее сиюминутном воплощении есть одна огромная проблема: ее задумали романтики, но построили лавочники, а управляют ей и вовсе «торговцы в храме», в том числе никчемный Жак Сантер, вынужденный уйти в отставку, оппортунист Жозе Мануэл Баррозу, который тут же (через два месяца после полугодового «должностного карантина», положенного чиновникам Евросоюза после ухода с поста) вступил на должность председателя международного департамента компании Goldman Sachs, и неводержанный Жан-Клод Юнкер – великий пропагандист фискального рая в своем родном Люксембурге. Где ты, дух Жака Делора?

«Фордизация» и контроль над умами

Упадок европейского духа, связанный с уходом великих национальных деятелей культуры, стал еще одним факто-

ром, вызвавшим разочарование, так как он, казалось, пришелся на период укрепления власти Брюсселя.

За несколько десятилетий великая европейская интеллектуальная традиция угасла. Как журналист, я имел возможность встретиться с такими выдающимися личностями, как Раймон Арон, совет которого я никогда не забуду: «Никогда не переставайте учиться, молодой человек!» Во Франции все еще блистали имена Сартра, Леви-Стросса, Дюмезиля, Лакана, Делеза, Фуко, Деррида, Юрсенар, Дюрас и великих историков, специалистов по Средневековью, таких, как Жорж Дюби и Жак Ле Гофф. В Италии творили выдающиеся кинематографисты и писатели: Дарио Фо, Альберто Моравиа, Дино Буццати, Голиарда Сапиенца и Умберто Эко.

После 1945 года интеллектуальные потоки начали менять направления, ускорившись в конце семидесятых. Если до шестидесятых обычно американцы ехали в Европу в поисках вдохновения и признания их таланта – достаточно вспомнить Эрнеста Хемингуэя или Винсента Минелли и его фильм «Американец в Париже», – то позже тенденция перевернулась.

Начиная с восьмидесятых, благодаря многочисленным и весьма щедрым стипендиям, теперь уже европейцы поехали в американские университеты и по возвращении (если возвращались) начинали внедрять американские модели. Разнообразие, творческое вдохновение и критическое мышление, похоже, навсегда покинули аудитории европейских универ-

ситетов, которые уже не в состоянии привлечь абитуриентов, пресыщенных американскими телесериалами, слоганами и проектами, выпускаемыми на рынок один за другим.

Крах немецкой теории «Культур унд бильдунг»

Однако катастрофа пришла из Германии и Австрии. В конце XIX и начале XX века Вена была средоточием интеллектуального и художественного развития: здесь были Кафка, Шиле и Карл Краус; здесь зародился венский Сецессион – австрийский вариант ар-нуво, здесь творили художники-экспрессионисты, Роберт Музиль и Фрейд, здесь зародился психоанализ. С двумя мировыми войнами всему этому пришел конец. Германия, в свою очередь, дала человечеству таких великих поэтов и писателей, как Гете, Шиллер, Гуго фон Гофмансталь, Юнгер, Томас Манн и Рильке, великих философов от Канта до Хайдеггера, Гегеля, Маркса и Ницше, несравненных музыкантов: Баха, Бетховена и Вагнера, ученых уровня Гумбольдта, Эйнштейна, Вебера и Гейзенберга, – все они освещали мир своим гением с конца XVIII века до 1930-х. Та Германия, что была интеллектуальным эпицентром Европы на протяжении полутора веков, всего за два поколения практически прекратила свое существование.

Интеллектуальная катастрофа Германии была вызвана

поражением в двух мировых войнах и усилением нацизма, который практически уничтожил немецкую и австрийскую культурную элиту, вынудив немногих выживших эмигрировать в Северную и Латинскую Америку. Несметное количество ученых, интеллектуалов и людей искусства были вынуждены покинуть Германию и искать пристанища в США в период между двумя войнами. Однако объединение страны и ее возвращение в ряды ведущих держав Евросоюза не помогли возродить великие немецкие *Geist, Kultur und Bildung*³. Это утверждение нисколько не умаляет заслуг таких великих послевоенных интеллектуалов, как Юрген Хабермас и представителей Франкфуртской школы: Ханны Арендт и Мартина Хайдеггера, или выдающихся представителей искусства, которых уже нет с нами: Гюнтера Граса, Генриха Белля или Райнера Вернера Фассбиндера. Сегодня присутствие немецкоязычных деятелей на европейской идеологической и культурной арене сводится к горстке разобщенных представителей, таких как Петер Sloterdijk, Ганс Магнус Энценбергер, Аксель Хоннет и не всегда политкорректный австриец Петер Хандке.

Резкое обеднение европейских интеллектуальных и художественных ресурсов было ускорено деградацией национальных языков под влиянием английского и массовой ан-

---

³ Речь идёт о теории единства разумно-духовной сферы, культуры и образования, сформулированной в немецкой научно-культурной среде конца XIX века и имевшей большую популярность в обществе.

гლოსаксонской культуры. Мы предпочитаем замалчивать это явление, так как оно затрагивает характер наших трансатлантических связей и угрожает самой сущности Европы, а именно ее культурному и лингвистическому разнообразию, в котором она черпала свои жизненные силы начиная с эпохи Возрождения.

На протяжении целого поколения ухудшение состояния национальных языков, изменения в грамматике и синтаксисе, вторжение англосаксонских терминов являются столь же впечатляющими, сколь и коварными. Растущее использование плохого английского языка постепенно ведет к атрофии европейских языков, а неспособность образовательных систем качественно преподавать детям младших классов их родные языки лишь ухудшит положение вещей, так как требования к ученикам постоянно снижаются ради достижения усредненных стандартов.

Повсеместное внедрение Болонской системы, задуманной с целью обеспечения совместимости стандартов и единообразия качества в образовании, а также введение учебных программ и академических званий, заимствованных у американских университетов ради гармонизации высшего образования в Европе, также способствовали превращению университетов – изначально центров критического и свободного мышления – в фабрики по производству академического полуфабриката по системе Тейлора⁴. Знания, как и ар-

---

⁴ Система Тейлора (тейлоризм, замена человека машинами) – разработанная

мии, были стандартизованы, чтобы стать «взаимосовместимыми». «Фордизация» умов и их систематическое переформатирование основывались на несметном количестве моделей управления и англосаксонской одержимости иерархией. Отныне творчество измеряется количеством статей, опубликованных в англоязычных журналах, скроенных по одному лекалу. Нестандартное мышление стало настоящей проблемой в европейских университетах.

В коридорах знаменитого здания Берлемон (штаб-квартиры Евросоюза в Брюсселе) или в Европарламенте в Страсбурге не осталось и следа от бывшего размаха европейской мысли, страсти к дебатам, культа идей – всего, что некогда составляло визитную карточку континента. Теперь, проходя воскресным утром по пустынному Европейскому кварталу Брюсселя, сразу ощущаешь царящий там вакуум, в то время как в соседних кварталах бурлит жизнь.

Тем более разителен контраст с США, где вся творческая энергия всегда успешно направлялась на то, чтобы создавать и обогащать свой идеал свободы и личных достижений граждан. Европа не может предложить ничего равнозначного, несмотря на свое блистательное прошлое. Франшиза произведений искусства из Лувра или Британского музея в музеи Абу-Даби может ненадолго добавить некоторого прести-

---

в начале XX века теория управления и научной организации труда. Ее автор, Фредерик Уинслоу Тейлор, наблюдал за деятельностью фабрично-заводских рабочих и сформулировал приемы повышения экономической эффективности и производительности труда на капиталистическом предприятии.

жа и несколько миллионов евро, но это отнюдь не великое достижение. Напротив, это лишь оттягивает туристов из Европы.

Как быть европейцем сегодня?

После двадцати лет очарованности и двадцати лет разочарования европейский процесс осознания завершается довольно печально и не оставляет надежд на хеппи-энд. В наши дни быть европейцем по сути означает задаваться неудобными вопросами. Можно ли еще верить в Европу, когда кругом царит посредственность? Может ли пессимизм привести к смертельному исходу? Является ли Евросоюз правильным инструментом для предотвращения полного упадка? И не превратился ли он вместо этого в страшный молот, который крушит все вокруг? Должны ли европейцы позволять Соединенным Штатам диктовать им, как дальше развиваться, с кем сотрудничать, а с кем воевать?

С начала века мы сталкиваемся с постоянно растущими трудностями, которые существующий миропорядок пока не в состоянии преодолеть: неоправданный рост экономики, недостаточно устойчивое развитие, неконтролируемые процессы в энергетике и цифровых технологиях, быстро надвигающееся глобальное потепление, непрекращающиеся миграционные кризисы, усиливающаяся несправедливость при перераспределении богатства, неправомерное использо-

вание налоговых ресурсов в частных целях, рост международной напряженности. Если мы хотим справиться с этими проблемами, необходимо изменить подход к ним, так как латание дыр на ходу уже не поможет.

Ослабленная от Брексита, следующих одна за другой волн иммигрантов, избрания Дональда Трампа и роста дестабилизирующего популизма, Европа превратилась в арену напряженности и противоречий. Общеввропейская «потемкинская деревня» несомненно хороша для студентов программы «Эразмус», руководителей международных компаний, политиков и коррумпированных СМИ, но она больше не может обмануть рядовых жителей сельской Сицилии, венгерских степей или английских рабочих пригородов. В отличие от того, о чем мечтал Фрэнсис Фукуяма⁵, до развязки пока дале-

---

⁵ Речь идет о его книге «Конец истории и последний человек»: Francis Fukuyama, *La Fin de l'histoire et le dernier home*, Paris, Flammarion, coll. "Champs", 1992, reed. 2018, pp. 328–542.). Этим же вопросам посвящены произведения других авторов, таких как Peter Sloterdijk, *Colere et Temps. Essai politico-psychologique* (Петер Слотердайк, «Гнев и время»), Paris, Libells, 2007 и Slavoj Žižek, *La colere, le ressentiment et l'acte. A propos de Peter Sloterdijk, Colere et Temps. Essai politico-psychologique* в газете *Le Monde*. Fr-blogs, 27 февраля 2008 г. См. также Olivier Renaut *La fonction du Thymos dans La Republique de Platon* в Notomi Noburu and Brisson Luc, *Dialogues on Plato's Politeia (Republic)*, Academia Verlag, pp. 179–188. В своей крупнейшей политической работе «Республика» Платон различает три главных составляющих человеческой природы в зависимости от того, что доминирует в конкретной личности: если человеком движет тело и плоть, то это голод, желание и похоть; если им движет разум, то это мудрость, чувство меры и здравый смысл; если им движет душа, то это воля, ярость и мужество. Эту третью силу он называет *thumos* («тумос»), она служит для поддержания равновесия в человеческой душе, чтобы помешать ей поддаться

ко. История продолжит свой ход, будь то с Европой или без нее. Но лучше бы Европе занять подобающее ей место. Быть сегодня европейцем – значит верить в это предназначение и делать его возможным.

как чрезмерным страстям, так и беззащитности бесплотного разума. Кроме того, именно «тумос» помогает человеку осознать собственную ценность и ценность окружающих предметов, увидеть, что ты чего-то стоишь в собственных глазах и глазах других. Поэтому это понятие связано с самооценкой, честью и общественным признанием. «Тумос» может также утратить равновесие и дать волю неприязни и мести, как это произошло в случае нацизма (неприязнь, основанная на национализме) или коммунизма (неприязнь, вызванная социальной изоляцией), или чрезмерного либерализма (стремление Запада унижить Россию и отказать ей в приеме в НАТО и Евросоюз после 1991 года). Петер Слотердаик противопоставляет такую потребность в соперничестве и желание выделиться любой ценой Эросу, которым движет логика материального обладания, созидания и наслаждения. Фрэнсис Фукуяма, стоящий ближе к традиции Платона, подчеркивает потребность снискать признание, которая может или служить движущей силой в индивидууме или обществе (желание быть лучше других в бизнесе, спорте, науке или искусстве) и вести к самосовершенствованию, или играть разрушительную роль, если она не контролируется.

Часть II. Уроки истории

Глава 2. От Карла Великого до Сталина: несостоятельность принуждения

Человек будущего – тот, у кого самая длинная память.

Фридрих Ницше

Чем дальше назад вы можете заглянуть, тем дальше вперед, вероятно, увидите.

Уинстон Черчилль

Именно в силу такого предназначения Европы в ней правили римские императоры, ее пытались объединить Карл Великий, Карл V, Наполеон, а Гитлер претендовал на то, чтобы навязать ей свое сокрушительное господство. Но как не заметить, что ни один из этих «объединителей» не добился от зависимых стран отказа от своей самобытности? Напротив, принудительная централизация всегда вызывала в ответ обострение национализма. Я уверен, что сейчас, как когда-то в прошлом, нельзя добиться объединения Европы путем слияния народов: оно может и должно явиться следствием

Для сторонников объединения Европы прошлого не существует. История вызывает беспокойство. Ее вычеркивают из текстов и официальных речей. Из Конституции Европейского союза были удалены все ссылки на христианство, чтобы не задевать чувства атеистов, агностиков и нехристианских религиозных меньшинств. История Европы оставлена на усмотрение составителей учебников каждой отдельной страны. А для представителей элиты история континента пахнет гнильцой: это запах народа, самоопределения, крови, грязи, *terroir*, национальных языков и провинциального фольклора. Все, что имеет глубокие корни, вызывает подозрение. Довольно прошлого, надо смотреть вперед! «*Tabula rasa!*» – таков официальный лейтмотив.

В лучшем случае история нашего континента сводится к нескольким символическим понятиям: Карл Великий, Ренессанс, Эразм, Гитлер, Сталин, Шоа, высадка союзников в Нормандии, мировые войны – все эти темы давно согласованы и заслуживают, чтобы их торжественно отмечали или использовали как общий европейский фон. Действительно, единственная общепризнанная история Европы начинается с 1951 года, когда было подписано первое соглашение по углю и стали, а официально – с Римского договора 1957 года. Все, что было до этого, причисляется к протоистории, к темным временам и непонятному, националистичному *ancien*

*régime*⁶.

Каждое новое поколение верит, что может достичь большего, чем предыдущее, и наше поколение – не исключение. «Цифровая революция», «четвертая промышленная революция», мистическая Кремниевая долина, туманные обещания искусственного интеллекта, воспевание свободной торговли и неограниченного роста, культ Илона Маска и перманентной инновации, триумф либеральной демократии и мирового господства – все это изменило мир, отменило его старые парадигмы и отбросило все варианты прошлого, как твердят СМИ и прочие ваятели мира. «Разве вы не понимаете, что ничто уже не будет, как прежде, что наш мир больше нельзя сравнивать с прежним?» Так проповедуют апостолы технологического рая, словно безумные монахи Средневековья, расписывавшие яркими красками загробную жизнь, чтобы поразить воображение толп неимущих.

Такое стремление смотреть вперед любой ценой, отбрасывая за ненадобностью уроки и опыт прошлого, является ложным и порождает серьезные ошибки. Оно неизбежно ведет к совершению все тех же промахов, хотя после каждого кризиса экономисты уверяют нас, что этот – последний и что в отличие от их бездарных предшественников они приняли все необходимые меры, чтобы избежать нового. Когда речь заходит об отрицании прошлого, то Ницше и Черчилль правы: технологический гений оказывает лишь незначитель-

---

⁶ ancien régime. – старый режим (*фр.*)

ное влияние на человеческую сущность, которая практически не изменилась со времен Перикла и Карла Великого и остается все той же, несмотря на технические достижения. Еще меньшее влияние технологии способны оказывать на мировую экосистему, кроме как разрушать ее понемногу под предлогом улучшения. Ведь прекрасно известно, что экосистема никогда не сможет давать больше, чем получает.

Но роботы, смартфоны, высокочастотные финансовые спекуляции, сверхзвуковые самолеты и «умные» машины не отменяют ни истории, ни человечества, как ничего радикально не изменили изобретения телефона, парового двигателя, компьютера. Конечно, армии теперь наступают со скоростью танков, самолетов и крылатых ракет, а не в темпе пехоты или кавалерии. Но потребность главенствовать, стремление к власти, мечта править миром, патологическая и ничем не утоляемая жажда признания – все страсти «тумоса», как назвали бы их Фукуяма и Слотердаик вслед за Платоном, по-прежнему живы и не дают человечеству освободиться от оков истории.

Если история человечества обречена на продолжение, по крайней мере, до тех пор, пока жив хоть один человек, то, на наш взгляд, Европа в ее сегодняшнем виде не является для европейцев недостижимым горизонтом. Евросоюз, в частности, может добиться успеха или потерпеть неудачу, восторжествовать или рухнуть, разрастись или исчезнуть, претерпеть постепенные реформы или пережить революцию, кото-

рая изменит его до неузнаваемости. Это то, что нас интересует и что мы намерены рассмотреть в свете прошлого. Греки прекрасно понимали, что, если мы хотим знать, что нас ждет впереди, то сначала нужно узнать, откуда мы пришли, изучить свое прошлое и извлечь уроки из провалов и достижений предыдущих цивилизаций. А чтобы это сделать, мы должны постараться понять исторический момент, в который нам выпало жить.

Объединенная Европа — далеко не новая идея

Итак, идея создания объединенной Европы вовсе не нова. В пятидесятые годы основатели Европейского сообщества очень старались показать, что идея, лежавшая в основе их проекта, уходила далеко в прошлое. Они стремились оправдать ее исторической глубиной вопроса и выставляли практически воплощением вековой мечты.

Один из главных вдохновителей этой идеи, Дени де Ружмон⁷, основатель и координатор Европейского культурного центра, созданного в Женеве в 1950 году при поддержке американского капитала, в своем исследовании авторов, способ-

---

⁷ Эта идея сформулирована в книге Дени де Ружмона: Denis de Rougemont, *Vingt-huit siècles d'Europe. La conscience européenne à travers les textes, d'Hésiode à nos jours*, preface by Jacques Delors, Paris, Christian de Bartillat, 1990 (переиздание текста, опубликованного в 1961 г.).

ствовавших формированию европейского сознания, уходит вглубь истории на двадцать восемь веков. В его книге также содержится перечень программных документов по созданию Евросоюза, начиная с 1922 года. Бернар Вуаян, со своей стороны, цитирует поэта Гесиода, который впервые использовал в тексте слово «Европа», имея в виду нимфу Европу, дочь Океана и Тефиды. На протяжении истории строилось много планов по созданию европейской федерации. С раннего Средневековья до эпохи Просвещения многие мыслители пытались доказать преимущества единства Европы, сначала под знаменами христианства, позже – призывая к идеалам разума. Для папы римского Иннокентия III (1198) воплощением Европы является *Christiana Republica* во главе с Папой Римским: «Господство папского Святого Престола совмещит в себе полномочия империи и духовенства»⁸.

В начале XIV столетия правовед Пьер Дюбуа ставил задачу «предотвращать войны через соответствующие государственные структуры» и «учредить международный арбитраж». Он призывал к созданию светского совета или собрания представителей для урегулирования конфликтов, что стало бы первой конфедерацией королевств Европы. Позже его идеи были подхвачены разными авторами, в том числе Уильямом Пенном – квакером из Пенсильвании, написавшим в 1693 году «Очерк о настоящем и будущем мира в

---

⁸ Bernard Voyenne, *Histoire de l'idée européenne*, Paris, Payot, 1964, p.46.

Европе путем создания европейской ассамблеи, парламента или штатов» с эпитафией: «Блаженны миротворцы! Пусть оружие уступит место тоге».

В XVIII веке в Европе велись дебаты вокруг создания проектов о вечном мире, пока Французская революция не подняла вопрос о правах человека и граждан в целом, а чуть позже Виктор Гюго не высказался в пользу Соединенных Штатов Европы. Относительно недавно несколько исследователей привели имена мыслителей XIX и первой половины XX веков, которые внесли прямой вклад в создание будущего Европейского сообщества, в том числе некоторых критиков⁹. Следует отметить, что злопыхатели, даже когда они

---

⁹ Jean-Luc Chabot, *Aux origines intellectuelles de l'Union européenne. L'idée d'Europe unie de 1919 à 1939*, Grenoble, PUG, coll. "Libre cours," 2013. И более подробно: Bernard Bruneteau, *Histoire de l'idée européenne au premier XXe siècle à travers les textes*, Paris, Armand Colin, 2008. Этот же автор, Жан-Лу Чабо, также исследовал период нацизма и проект Гитлера «Новая Европа». Намного более критический подход к гитлеровским взглядам можно увидеть в: *Critique historique de l'idée européenne*, vol. 1, *Les précurseurs introuvables*, Histoire d'une mythologie du Moyen Age à la fin du XIXe siècle, François-Xavier de Guibert, 2009, польского исследователя института Жака Делора Францишка Драуса. Автор пишет, почему тенденция представлять интеграцию Европы как сбывшуюся вековую мечту вредна на идеологическом уровне: такой подход извращает европейскую историю, совершенно неправомерно выдавая некоторые исторические концепции мира за предвестников современного федерализма, и убивает истинную европейскую идею тем, что не видит в Европе отдельного самосознания и силы. Во вступлении говорится: «Кризис небывалых масштабов, с которым нам предстоит столкнуться, должен побудить нас отбросить идеологические модели Европы и вернуться к ее историческим основам, которые сами по себе могут при-

высказывались во имя высших интересов европейской интеграции, были немногочисленны и никогда не получали такой широкой поддержки, как сторонники официального проекта. И это неудивительно.

Так что идеологическая сторона создания единой Европы и многочисленные дискуссии вокруг нее широко известны. Однако странно, что никто из создателей Европейского сообщества не поинтересовался прошлыми попытками объединения, как будто за тысячу пятьсот лет ничего подобного не происходило. Словно этих попыток вовсе не было, или они не имели ни малейшего значения в процессе формирования современной Европы, и все политические варианты интеграции, применявшиеся за последние полторы тысячи лет, так и остались никому не известными. Похоже, что ни идеологи, ни политики, стоявшие у истоков формирования Европейского сообщества, не интересовались тем, что делали в этом направлении их предки. Несомненно, причина в том, что те потерпели поражение, к тому же большинство из них не без греха, ведь они были прямыми последователями таких ныне осуждаемых завоевателей, как Карл V или Наполеон. Или проповедовали ложную идеологию в духе гитлеровской «Новой Европы», или даже были носителями иступленной, подрывной социальной эсхатологии вроде со-

---

дать хоть какой-то смысл цивилизации, которая, кажется, пользуется вялостью, вызванной длительным упадком!»

ветского коммунизма.

Однако отказ от рассмотрения начинаний прошлых поколений должен служить предупреждением во времена, когда Евросоюз переживает беспрецедентный кризис легитимности, — хотя бы для того, чтобы лучше понять причины их появления, недолговечных достижений и окончательных поражений. Мы не должны оставаться равнодушными к истокам и заветам тех дерзких устремлений.

Прошло уже семьдесят с лишним лет с тех пор, как бесчеловечным экспериментам нацистов был положен конец, и более четверти века назад советский коммунизм потерпел крах. Теперь мы можем свободно задуматься над попытками объединения Европы, начиная с самых ранних до недавних, не боясь прослыть сторонниками роялистов, нацистов или коммунистов.

Карл Великий: первая попытка насильственного объединения

Договор 1951 года, учредивший Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), а затем Римский договор 1957 года, в результате которого появился Общий рынок, стали продолжением нескольких очень разных, но неудачных попыток объединения различных европейских государств под одной крышей.

Если не считать Римской империи, которая в свое вре-

мя раскинулась на три континента и центром тяжести которой было Средиземноморье, то первый порыв объединить Европу принадлежал Карлу Великому. Захватив обширные территории, которые сегодня включали бы в себя северную Испанию, Францию, Бельгию, Нидерланды, Швейцарию, северную Италию и западную Германию, основатель династии Каролингов сформировал государство, господствовавшее практически над всей христианской Европой того времени. Но империя Карла Великого была чрезвычайно разнородной. Она была похожа на лоскутное одеяло, в котором сошлись разные народы, языки и традиции, у которых не было того общего, что бы удерживало их вместе.

Карл Великий стремился создать эту внутреннюю связь и придать своим владениям новую идентичность путем реформирования христианского богослужения и символов веры. И был готов заплатить дорогую цену, а именно инициировать раскол с ранним православным христианством, определенным первыми вселенскими Соборами.

Благодаря тому, что ранее он оказал поддержку папе Льву III, Карл Великий мог диктовать свои условия: чтобы он был коронован как император и чтобы формула христианской Троицы была пересмотрена. Папа Римский принял первое условие, и коронация нового императора состоялась в Риме в рождественскую ночь 800 года.

Этот поступок, который напрямую затрагивал власть императора Восточной Римской империи – единственного за-

конного наследника Римской империи, положил начало геополитическому конфликту между Востоком и Западом, который длится по сей день. Именно в тот момент Европа превратилась в захватническую гегемонистскую силу. Сегоднешние лидеры континента и экстремистские партии правого толка хорошо это понимают и чтят память Карла Великого как ангела-хранителя современной Европы, «самоуверенного и властного», как сказал Шарль де Голль по отношению к Израилю.

Хотя Карл Великий был беспринципным полководцем, он оказался мудрым руководителем и понимал, что должен придать своим разрозненным землям нечто объединяющее. Он знал, что одной военной силы недостаточно, чтобы консолидировать завоеванное, и что ему придется задействовать мощные интеллектуальные и идеологические ресурсы, чтобы удержать части своей империи вместе. Поэтому при поддержке Алкуина, своего министра, Карл Великий опирался в своей пропаганде на два краеугольных камня: он выбрал стратегию одновременно разрыва и преемственности.

В основе идеи раскола лежала видоизмененная версия христианства, прямо противоречившая изначальным ортодоксальным традициям религии Восточной Европы и напрямую нарушавшая положения Канонического права, установленного Соборами. Карл Великий был первым, кто вознамерился изменить формулировку определения Троицы, вве-

для понятие *filioque*¹⁰, что в итоге два века спустя послужило причиной раскола между католиками и православными.

Что касается преемственности, то ему импонировала идея о возвращении мифа о величии мирных времен Римской империи, по которым тосковали просвещенные умы эпохи. Впервые в истории континента территории Западной и Центральной Европы – латинская и германская – были объединены в общей структуре, что надолго оставит глубокий след в воображении европейцев. Поэтому неслучайно, что двенадцать столетий спустя, в 1957 году, «Внутренняя шестерка» (первые члены ЕС) будет занимать практически ту же территорию, что империя Каролингов (за исключением лишь Швейцарии). Как при первой попытке объединения неохваченными оставались восточная Греция и православная Европа, так и сегодняшняя попытка исключает славянские страны и европейскую часть России. Когда-то инициатива Карла Великого провалилась из-за несогласия Папы с его требованиями в сфере религии. Но распад начался, и разрыв, которому предстояло произойти через двести лет, создал трещину, которая до сих пор не заделана и по сей день, как мы увидим далее, разделяет континент. Со времени граница между римско-католической церковью и православием

---

¹⁰ Филиокве (Filioque – «и от Сына» (лат.) – ставшее одним из основных поводов для разделения Вселенской Церкви добавление к латинскому переводу Никео-Константинопольского символа веры, принятое Западной (Римской) церковью в XI веке в догмате о Троице: об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но «от Отца и от Сына».

ем сдвигалась дальше на восток и сегодня проходит вниз от Финляндии и стран Балтии до Украины, Румынии и Балканских стран¹¹.

Таким образом, Карл Великий был не только первым строителем современной Европы, но и главным ее раскольником.

Более того, к несчастью для его преемников, империя Карла Великого страдала от серьезных недостатков государственной организации. И вскоре после его смерти распалась по двум основным причинам. Первая заключалась в том, что после неудачи с проведением религиозной реформы император не сумел дать своим территориям необходимой объединяющей динамики. Идеология *filioque*, как бы она ни импонировала многим в его окружении, провалилась, так как ее не приняли ни Папа Римский, ни итальянские епископы. Потребовалось еще два столетия, чтобы католицизм окончательно оформился и отделился от восточных ортодоксальных церквей, ослабленных завоеваниями арабских мусульман.

Вторая проблема возникла вследствие того, что институты власти Каролингов не были приспособлены к управлению такими обширными и сложными территориями. Процедура

---

¹¹ По этой теме см.: Ги Меттан, «Запад-Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса», Москва, изд. «Paulsen», 2017.

наследования престола – слабое звено во всех монархиях – была полна лазеек. Преждевременная смерть двух старших сыновей Карла Великого привела на трон его третьего сына Людовика, прозванного Благочестивым, который совершенно не был подготовлен к такой ответственности. Престолонаследие по праву рождения еще не было четко оформлено, и сразу после смерти Людовика три его сына оказались вовлечены в братоубийственные войны. В 843 году после подписания Верденского договора империя была поделена на три продольные части: Западную Франкию, Лотарингию (исторические Нидерланды, Бургундия и Италия) и Восточную Франкию (Германия).

Такое разделение сыграло роль при формировании вертикально ориентированной Европы, когда пути сообщения проходили с севера на юг через Альпы, но их границы на востоке и западе были закрыты. Такое внутреннее деление, присущее территории, впоследствии ставшей Западной Европой, было усугублено религиозным расколом 1054 года, и в итоге весь греко-восточный блок, от России до Греции, оказался изолирован от остального континента. В итоге, по вине Карла Великого (а по мнению некоторых, благодаря ему) в Европе транзит по оси Восток – Запад так никогда и не заработал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.